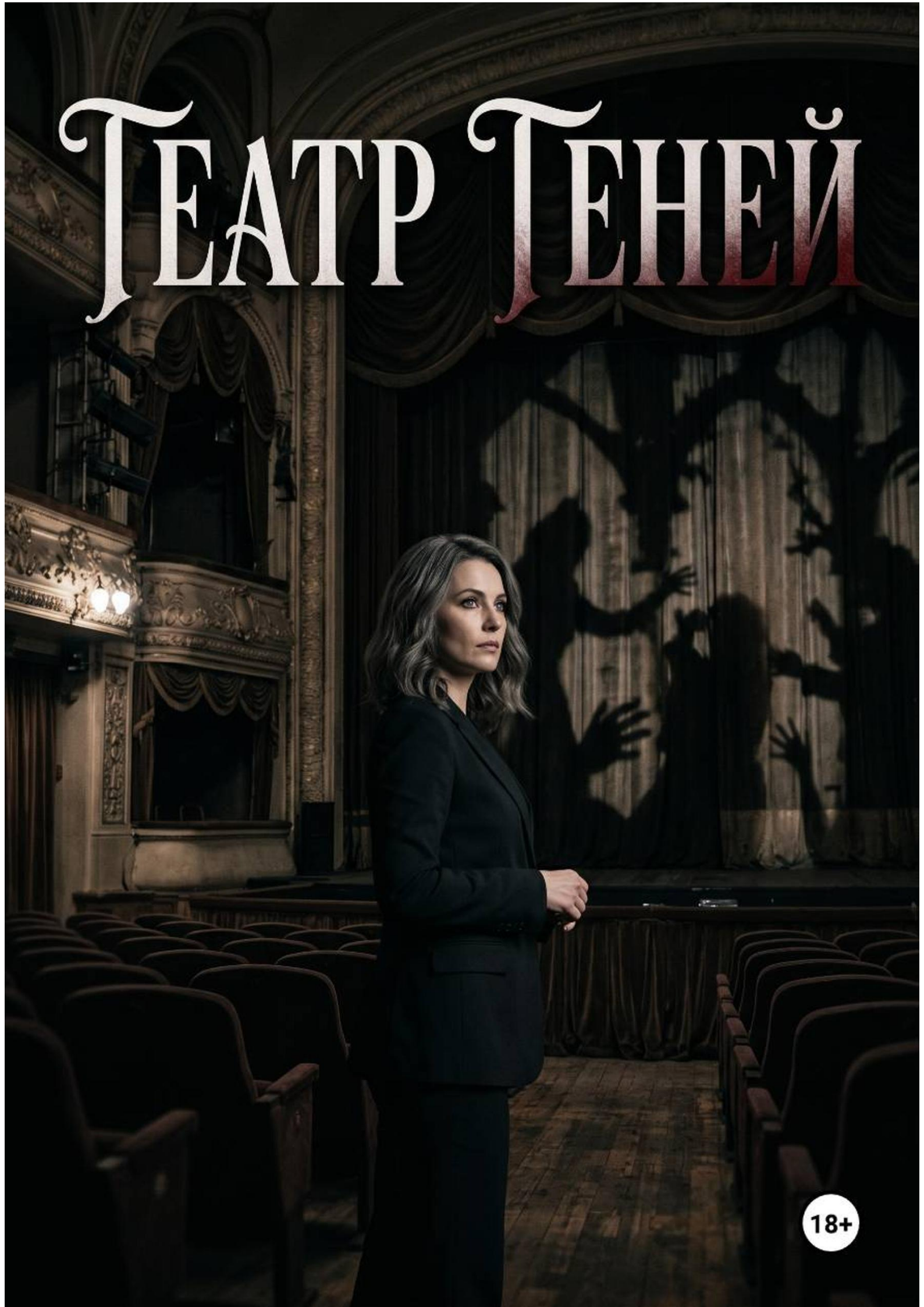

ТЕАТР ТЕНЕЙ

18+

Uno
Театр теней

«Автор»

2026

Uno

Театр теней / Uno — «Автор», 2026

Она могла бы стать талантливой актрисой, как пророчили в молодости, но после трагедии пришлось покинуть сцену. Спустя долгое время убийство директора театра вновь заставляет вернуться ее обратно. В этот раз Ева точно разберется в случившемся и узнает всю правду.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Уно

Театр теней

Глава 1

Она стояла над телом держа в правой руке нож. Свет на сцене горел вполне адекватно - дежурные лампы, которые никогда не гасят до конца, чтобы сторожа и уборщицы не спотыкались в темноте. Но этого хватало чтобы видеть ужас всей картины. Мужчина лежал на спине, раскинув руки, точно актер в финальной сцене греческой трагедии. Живот рассечен вертикально, рубашка превратилась в кровавое тряпье, вокруг - лужа, которая уже начала подсыхать по краям, становясь бурой.

Ева медленно повернулась к зрительному залу. Там, за линией рампы, стояла вся группа: подполковник Краснов, эксперт-криминалист Лапин, двое оперов из ее отдела и старший следователь прокуратуры — Виктор Смохин, который приехал на место первым и теперь хмурился, глядя на нее снизу вверх.

- Так он его убил.

Пауза. Тяжелая, вязкая. Смохин переглянулся с Красновым и шагнул вперед, к самому краю оркестровой ямы.

- Шмидт, - произнес он медленно, с особенно надменной интонацией - я только что тебе сказал: это самоубийство. Человеку было под семьдесят. У него дико стрессовая работа, театр на грани закрытия, долги, спонсоры отказали, вчерашняя премьера срывается. Он приходит в свой кабинет, достает вот этот самый нож, - Смохин кивнул на лезвие в руке Евы, - и делает себе хакари. Ритуальное самоубийство. В его же собственном театре. На его сцене. Трагично и очень театрально, это в его стиле.

Ева покачала головой сильнее сжав нож в своей руке.

- Нет, - сказала она. - Он не мог сделать это сам.

Смохин хмыкнул и засунул руки в карманы пальто - жест, который Ева ненавидела больше всего. Жест человека, который уже всё решил и полностью уверен в своей правоте.

- Почему же? - надменная ухмылка не сходила с его лица.

- Посмотри на разрез, - она опустила нож и указала им на тело, как указкой. Смохин поднялся на сцену - Движение снизу вверх, от пупка к солнечному сплетению. Классическая техника, да, но угол - смотри, Витя, ты же старший следователь, ты должен замечать такие мелочи - угол слишком вертикальный. Если бы он держал нож сам, в своих руках, траектория ушла бы левее, вот сюда, - она провела линию в воздухе. - Потому что правой руке неудобно идти строго по средней линии живота. Соппротивление тканей, ограничение сустава. А здесь - идеальная прямая. Как по линейке.

Смохин перестал улыбаться.

- И второе, - Ева присела на корточки рядом с телом и свободной рукой указала на запястья убитого. - Следов борьбы нет, но смотрите на пальцы. - на этих словах и сам Краснов подошел ближе к трупам - Они разжаты. Если бы он сам нанес себе такой удар, трупное очоление зафиксировало бы их в сжатом положении, потому что в момент смерти он держал рукоять. А они разжаты. Кто-то вложил нож ему в руку уже после того, как он умер. Или, - она поднялась, отряхнула колени, — кто-то держал его руку в своей и направлял удар.

В зале повисла тишина. Лапин, эксперт, уже полез в чемоданчик за перчатками — он хотел подняться на сцену и посмотреть сам. Смохин молчал.

-То есть ты хочешь сказать, что это инсценировка?

- Я хочу сказать, что это убийство, кому-то было нужно, чтобы мы списали это на ритуальное самоубийство. Кому-то, кто знал, что старик находится в кризисе.

Она выпрямилась, убрала свой нож в ножны и только сейчас заметила, что пальцы дрожат. Совсем чуть-чуть.

Смохин поджал губы. Потом медленно, словно через силу, кивнул:

- Хорошо. Проверим твою теорию, только ответь мне на вопрос: откуда у тебя такой же нож?

- Такой не только у меня, но еще у человек 15-и. Это как раз подарок нашего от трупа, когда он был жив.

- Лапин, снимай. - Смохин повернулся к зрительному залу - Всю сцену, каждый сантиметр, отпечатки с рукояти в первую очередь. Если там есть чужие, я хочу знать об этом первым. И, бросив на Еву короткий взгляд, колючий, оценивающий, кивком попрощался.

Она отошла в сторону, в кулисы, и встала там, прислонившись спиной к холодной кирпичной стене. Свет софитов бил в глаза, и когда она смотрела в зал, ей казалось, что пустые кресла смотрят в ответ.

- Шмидт!

Еву выбил из мыслей басистый голос полковника который подошел к ней.

- Ты как? Я заметил, как дрожали твои руки, помню, что тут случилось. Если хочешь, передам дело твоим коллегам.

- Так быстро, Сергей Петрович, меня со счетов не списывали. - девушка улыбнулась получив улыбку в ответ - Спасибо за Ваше беспокойство, но это было далеко в прошлом. Просто давно не стояла на сцене, уже привыкла наблюдать из зала.

- Хорошо. Тогда езжай к Бондаренко, разбуди этого мерзавца, он не отвечает на мои звонки.

- Может он устал, скоро сам проснется и приедет?

- Устал он, - Краснов фыркнул - У всех усталость. У меня давление, у Смохина язва, у тебя, Шмидт, судя по лицу, хроническое недосыпание уже полгода. А Бондаренко просто нажрался вчера. Я его знаю. Езжай, подними с кровати, привези в отдел. Хоть в наручниках. Мне нужно, чтобы вы с Бондаренко сняли отпечатки с рукояти всех таких же ножей, включая твой. Подозреваю, что ты знаешь у кого они хранятся. Я хочу исключить любые совпадения до того, как Смохин начнет задавать лишние вопросы. Поняла?

- Поняла.

Улица встретила лейтенанта мелким дождем и запахом мокрого асфальта. Она села в служебную машину, повернула ключ зажигания и на секунду замерла, глядя на собственное отражение в лобовом стекле. Под глазами тени. На виске — жилка пульсирует. Она прикоснулась к ней пальцем — пульс частил, как после хорошей пробежки. Её таблетки от бессонницы перестали помогать.

Ева сунула руку под пиджак и нащупала резную рукоять. Холодная. Тяжелая. С гравировкой на латыни, которую она когда-то перевела и постаралась забыть. Она знала, откуда взялся этот нож. И знала, кто еще в городе носит такой же. Пятнадцать человек. И один из них только что умер на сцене с точно таким же лезвием в животе.

Дверь оказалась незапертой. Ева толкнула её и вошла в тёмную прихожую. В квартире пахло хорошим коньяком и зерновым кофе - странное сочетание для семи утра. Из глубины коридора слышался ровный шум воды.

Она прошла на кухню. На столе - турка с остатками гущи, пустая чашка и надкусанный бутерброд с колбасой. Рядом, на подоконнике, пустая бутылка.

Шум воды стих. Через минуту в кухню вошёл Бондаренко - высокий мужчина с густыми черными волосами среди которых просвечивалась седина, в свежей рубашке и совершенно

ясными глазами. Ни следа похмелья. Он двигался легко, собранно, как человек, который только что пробежал кросс, а не глушил коньяк до отключки.

- Шмидт, - кивнул он вместо приветствия. - Кофе будешь?

- Доброе утро, Игорь. Не откажусь.

Он зажёл конфорку, поставил турку и обернулся через плечо:

- Судя по твоему раннему визиту, не такое уж и доброе. Что за пожар? Труп?

- Директор театра. Аркадий Вертинский. Нашли час назад на сцене с ножом в животе.

- Вертинский, - повторил он, пробуя фамилию на вкус. - Знакомая фамилия. Это ни тот ли, у которого ты училась в молодости?

- Он самый.

Кофе вскипел, поднялся шапкой, и Бондаренко ловко снял турку за секунду до того, как напиток сбежал бы на плиту. Разлил по чашкам, одну подвинул Еве.

- И что с ним случилось?

Ева обхватила чашку ладонями, согревая пальцы.

- Четыре года назад в театре произошёл несчастный случай. На актёра, во время спектакля, упала декорация. Он погиб. У людей был шок, бутафорщика посадили, как и должны были посадить самого, Аркадия. Но тот был не в городе уже месяц, поэтому суд посчитал его невиновным, после этого все очень быстро начало затухать. Постановок становилось всё меньше, зал пустовал. Прибыль упала, и спонсоры начали отказываться один за другим. Сначала самые мелкие, потом и те, кто держался годами. Ну а без денег, сам понимаешь, - ни декораций, ни гастролей, ни зарплат. К моменту смерти Вертинский руководил уже не театром, а его тенью. Долги, полупустой зал, труппа разбежалась кто куда. Из бывшего величия - только стены и вывеска. В связи с этим, наш прекрасный прокурор решил, что это самоубийство, хотя я чувствую, здесь есть что то еще.

Бондаренко отхлебнул кофе и задумчиво посмотрел в окно, где моросил серый дождь.

- Откуда столько информации?

- Что бы не случилось там раньше, я все равно любила этот театр, ходила туда каждый год, даже после несчастья на сцене, вновь.

- Вероятно, один из тех, кому он был должен тут тоже замешан, — сказал он наконец.

- Ладно, допивай.

Он поставил свою чашку, взял пальто с вешалки и вышел из квартиры. Шмидт всегда удивлялась, почему он не закрывает дверь, но уже не спрашивала об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.